

Волга – ежемесячный литературный журнал, издается в Саратове с 1966 года.

№ 9-10, 2019

Юлиана НОВИКОВА (Израиль)

* * *

Насекомое незнакомое,
Но случайно мною спасённое,
Принимаемое за искомое,
В книгу жизни вновь занесённое,
Улетай поскорей отсюда,
Уноси своё грустное тело.
Обещаю, что я не буду
Ни преследовать, ни исследовать,
Ни расследовать это дело.

Рафаэль ШУСТЕРОВИЧ (Израиль)

* * *

NN преследуют две-три случайных фразы:
«зло, погибая, оставляет метастазы»,
«уймись, гордыня»...
Бредут слепые, не ощупывая почвы,
в себе и в спутнике не признавая порчи,
горчит пустыня.

Беги, NN, один, химерами гонимый,
в воображении своём незаменимый,
рудиментарный,
когда ещё ты снова сможешь кодом речи
отточить что-то непреклонное и резче
во тьме словарной.

Дети Ра – ежемесячный литературный журнал поэзии, издаётся с 2004 года в Саратове. С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века.

№ 9-10 (178-179), 2019

Лилия ГАЗИЗОВА (Кайсери, Турция)

* * *

Зрочки, евстахиевы трубы
И прочие входы-выходы
Нашего тела
Играют с нами
В игры недетские.
Дезинформируют,
Направляют по ложному следу.
Подвергают риску любви
И прочей жизни.
Остерегайся, тело!
Трепещи и робей
В ожидании неизбежного!
Единственное,
Что надо помнить,
Вход и выход свободные.

Дружба народов – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Основан в 1939 году.

№ 10, 2019

Айгерим ТАЖИ (Алма-Ата, Казахстан)

* * *

Кричат с утра невидимые гуси
под радостное пение соседа –
перебирает свежую картошку,
бросает мелкое в собаку на цепи.
Она в мечтах – гигантский волк. Из брюха
растёт вселенная прожорливая, злая,
съест человека – и мучений нет.
Луна присвистнет – бросится за ней
через овраги с громким стыдным лаем.

Звезда – старейший петербургский ежемесячный литературный журнал. Издаётся без перерыва с декабря 1923 г.

Владимир ХАНАН (Иерусалим, Израиль)

* * *

В Петергофе однажды, году в девяносто четвёртом,
В ночь под Новый по старому стилю, под водку и грог
Я случайно увидел на фото, довольно затёртом,
Старика в филактериях, дувшего в выгнутый рог.

«Прадед где-то в Литве, до войны, – объяснился хозяин, –
То ли Каунас, то ли...» Я эти истории знал.
Даже немцы прийти не успели, их местные взяли,
Увели – и убили. Обычный в то время финал.

Этот старый еврей дул в шофар, Новый год отмечая,
В тёплый месяц тишрей, не похожий совсем на январь.
Тщетно звал я на помощь семейную память, смущая
Тени предков погибших, сквозь дым продираясь и гарь.

Не такая уж длинная, думал я, эта дорога –
От тогдашних слепых до сегодняшних зрячих времён.
У живых нет ответа, спросить бы у Господа Бога:
Если всё по Закону – зачем этот страшный Закон?

...Был обычный январь. Снегопад барабанил по крыше,
По стеклу пробегали пунктиры автобусных фар.
Город медленно спал, и единственный звук, что был слышен, –
Мёртвый старый еврей дул в шофар,
дул в шофар,
дул в шофар.

Знамя – ежемесячный литературный журнал, издающийся с 1931 года, в котором печатались корифеи советской литературы, а после 1985 г. произведения, во многом определившие лицо горбачёвской перестройки и гласности.

Бахыт КЕНЖЕЕВ (Нью-Йорк, США)

* * *

В недрах Геи, щедрой матери, все в метёлках ковыля,
разлеглись необозримые елисейские поля,
и учебник математики, словно Библию – монах,
гладит бывший житель Аттики в пифагоровых штанах.

Он лишён жены и крова, но утешается, простак,
чаркой водки оцифрованной, предоставленной за так.
Поскучает, попечалится вдалеке от отчих мест,
на качелях покачается, кильку численную съест.

Весело, друзья хорошие. Икс да игрек, бэ да це.
Приговором огорошенный, спит подкидыш на крыльце
храма-овощехранилища, дремлет, будущий пострел.
Хорошо ему. А ты ещё не очнулся? Не прозрел?

Алексей ЦВЕТКОВ (Бат-Ям, Израиль)

* * *

он примерил судьбу непосильную двум
привинтил в голове человеческий ум
засмотрелся на падчериц ночи
и когда убедился что полный набор
вознамерил колени и вышел на двор
он в меня воплотился короче

вот хожу из орбит озирая края
в иллюзорном задоре что я это я
истоптали до магмы места вы
этих утренниц взлёт этих падчериц звон
но когда вспоминаю что я это он
стекленеют опешив суставы

неподъёмно на тонких мембранах моржу
я не тот за кого себя гордо держу
здесь проломы бы надобно шире
только выбор не мне и судьба такова
только держит до дрожи внутри голова
человеческий ум на шарнире

Виталий МАМАЙ (Тель-Авив, Израиль)

АЛИ

Есть города, Али, где рассветное солнце
ещё только золотит кромку дальних гор,
но небритые мужчины в униформе
уже прочёсывают пляжи и побережье, собирая выброшенные морем
дырявые резиновые лодки, одежду, маленькие рюкзачки
и трупы, Али. Трупы правоверных. Взрослых и детей, Али.
Холодные, промокшие, скрюченные тела.
Плохо, если трупы находят туристы, особенно немцы или британцы.
Плохо для казны, Али, плохо для страны.
Если ты хочешь оплакать этих детей, Али,

не забывай называть имя их палача.

В наше время имя есть не у всякой жертвы, Али,
но палач всегда известен, даже если не назван.

Когда мы сидим с тобой на закате за чашкой крепчайшего яффского кофе
и говорим об особенностях классического арабского монорима, ламии ли, нунии
ли,

когда ты цитируешь и переводишь мне на изысканный иврит что-то из тонких
муаллак,

я смотрю на волны, на буруны у камней Андромеды, и мне видится там детский
рюкзак, Али,

невесть как попавший сюда из далёкого Мраморного моря.

Иерусалимский журнал – журнал современной израильской
литературы на русском языке.

№ 62, 2019

Лена БЕРСОН (Рамат-Ган, Израиль)

* * *

У нашего дома в густой тени
Сидят с телефонами швец и жнец.
«А-мама-ты-дома», – звонят домой.
«Я-скоро-ты-завтра», – звонят домой.

Офелия, нимфа, охолони!
Лошадка доскачет в один конец,
Медовой отхаркиваясь хурмой.

Напротив ларька с дорогим бухлом,
В уютных дворах, неизвестно чьих,
На колотом, битом, обидном, злом,
На трижды обманутом, нежилом
Одни обещают обнять других.

Других обещают обнять одни.

Мой дом – за деревьями, у ларька.
Чего ж я настойчиво, как они,
«Ты-дома-а-где-ты», – кричу в экран,
«Я-дома-а-где-ты», – кричу в экран.
Как будто надеюсь воздвигнуть храм
В три дня и три ночи, не храм – дворец,
Как будто я тоже и швец, и жнец.

«Не-слышно-не-слышно-пока-пока».

Михаил ДЫНКИН (Ашдод, Израиль)

* * *

на Красной площади, как на любой другой
лежать не позволяют, дорогой
берут в кольцо ли, сталкиваясь лбами
хохочут, в службы разные звонят
вставай, пинают, что за детский сад
и шевели ногами, не губами

на Красной площади глаза мои круглей
Земли, и в них земля, а значит, вам видней
но разве я кому-нибудь мешаю
смотрите, вот порог, вот Мавзолей
там лысый бог советских времирей
лежи, где хочешь, шепчет, разрешаю

Семён КРАЙТМАН (Герцлия, Израиль)

* * *

...и небо, выходящее за грань
себя,
верней,
не знающее грани,
и вымытая зимними ветрами
деревьев зимних лёгочная ткань,
и скорлупа ветхозаветных гор,
и женщина,
чей взгляд, что Бог мой, близок...
успеть, успеть, успеть составить список
всего мной обретённого,
всего.

Семён ГРИНБЕРГ (Иерусалим, Израиль)

* * *

Что говорить, когда рассказано уже.
Слова все словно по второму разу.
Я жил тогда на первом этаже
И думал, что уйду, едва закончив фразу.

И кто бы мог иное предсказать?
И гороскоп немалых стоит денег.
Какая разница, «прости» иль «пропусти»?
Главнее, так сказать,
Один этаж и только семь ступенек.
Чтоб тело до машины донести.

Михаил ФЕЛЬДМАН (Беэр-Шева, Израиль)

Я какой-то странный сон видел давеча – будто я простой хасид из Любавичей
И со стаей журавлей на юга лечу, по Шагалу как-то всё и по Галичу.

Над Бобруйском я лечу и над Витебском, неподвластен ни пропискам, ни
выпискам,

Как-то страннышко вокруг и тревожненько – будто краски сгущены у
художника.

Надо мною облака – облака не те, подо мною берега, хоть умри – не те,
Вот сейчас вы, облака, в землю канете – и тогда вы, берега, воду примете!

А дороги не видны – лишь обочины, да и те уже, кажись, заболочены,
Да и сам я – вроде я, но уже не я – не берёт меня закон притяжения.

Игорь ИРТЕНЬЕВ (Кармиэль, Израиль – Москва, Россия)

* * *

С рождения духом неистов,
Как всякий нормальный еврей,
Всегда презирал конформистов,
Всегда уважал бунтарей.

Внемлите же голосу мэтра,
Покуда он вовсе не стих:
Блаженны, кто ссыт против ветра,
И Царство небесное – их.

Сергей НИКОЛЬСКИЙ (Гронинген, Нидерланды)

* * *

Колесо фортуны, тельняшка, зебра.
Тело жило, слепо, болело, крепло.
Дождь сменялся тёплой, без осадков,
детство – возрастом в семь десятков,
а фата – ночными кусками крепа.
Мир был пресен, сладок и пересолен,
негритянки чернее кофейных зёрен,
белокожие девы нужнее хлеба.
Чёрно-белая тянется перед взором,
удивляет своим узором,
мажет сажей, заляпывает извёсткой
и бывает нежной, пуховой, жёсткой,
и служанкой бывает, и госпожою,
нашей, своейской
и только потом – чужою.

№ 3, 2019

Марк ВЕЙЦМАН (Модиин, Израиль)

* * *

Во сне он вышел вновь на поле,
Как встарь, под номером седьмым,
И был за гол, забитый вскоре,
Отмечен Бесковым самим
И космонавтом Гречко лично.
И потому-то поутру
Немного дольше, чем обычно,
Протез пристегивал к бедру.

Юлий ХОМЕНКО (Вена, Австрия)

* * *

роддом
детсад
начальная и средняя школы
различные предприятия и учреждения
дом престарелых
кладбище

все это есть в городке

и даже
автобусное сообщение
с внешним миром

Андрей ГУЩИН (Киев, Украина)

* * *

Поодиночке, парами
В коробке черепной
Знакомые кошмары
Проходят предо мной.

Как скворушка в скворечнике,
Синица в кулачке –
Так хворые, увечные
Теснятся в мозжечке.

По свету горе мыкая,
Срываешься на крик,

На клекот, на курлыканые –
Заоблачный язык.

Нелли ВОРОНЕЛЬ (Торонто, Канада)

У входа радостный аквариум –
немножко цирк, немножко рай.
Непринужденно разговаривай,
смотри, вопросы задавай.

Чем пахнет тут, не стоит спрашивать,
так пахнет всякая нужда.
Помилуй, что ж такого страшного?
Ты здесь пока не навсегда.

Дух одомашненной казёнщины –
кульбит в кошмары детских лет.
Старушка-призрак, шейка тощая,
мертвецкий в коридорах свет.

Владислав ПЕНЬКОВ (Таллин, Эстония)

Намёком случайно затронешь
слезинку-улитку, звезду –
и вдруг отзовётся Воронеж,
и вдруг залепечет в бреду.

И сразу сорвётся попойка
на струнную странную речь,
она – неудобная койка,
а всё-таки тянет прилечь,

пока за окошками бродит,
как бражка, январская тьма.
Страшнее, чем казни в Исходе,
покой и порядок в умах.

Нева – литературный журнал, издаётся в Санкт-Петербурге
(Ленинграде) с 1955 года.

№ 9, 2019

Юлия ПИКАЛОВА (Италия)

ЖИВИ МЕНЯ

Отчаянных мальчишек перепалку
Я слышал. Голоса рвались, звеня,

Пока один запальчиво и жалко
Не прокричал: ты прав! умри меня!

И вздрогнул я, и вспомнил сон тягучий:
Немыслимый этаж. Окно. Карниз.
Зачем я там? Кому вскричать – не мучай,
Проснись меня, проснись меня, проснись?..

Спасение придёт из ниоткуда,
Ведь ты ещё течёшь в моей крови:
Пусть я насмерть сам себя забуду –
Живи меня, живи меня, живи!

Александр АМЧИСЛАВСКИЙ (Торонто, Канада)

* * *

Ни прозрений, спасибо, ни брошенных вёсел,
ни корявых отметин судьбы незавидной,
повезло, ничего мы такого не носим,
лишь осеннюю немощ тропы соловьиной,
лишь умение слёзы записывать в столбик
да прикрыться иронией маленький навик,
погуляем, подышим, присядем за столик,
убедимся, что певчими посланы на фиг,
всё равно поглядим на высокие кроны,
пошерстим из упрямства до самого верха,
там, наверно, свободно, легко и укромно
без малейшего ветра.

Новая Юность – литературно-художественный познавательный журнал тридцатилетних. Выходит с 1993 года, после драматического исхода 14 журналистов из «старой» «Юности».

№ 5 (152), 2019

Сухбат АФЛАТУНИ (Ташкент, Узбекистан)

* * *

идёт по земле человека
других человеческой увеча
в осеннем солдатском огне
и в танковой неба броне

идёт по земле человека
из крови и умершей речи
пульсирует солнце в висках

огнём украшаются плечи
и небо трясётся в глазах

идёт по земле по суглинку
и за щеку как карамельку
закинет визгливую зинку
или засмурневшую нельку
и слышит как тают оне
в солдатской нетрезвой слюне

такой вот у нас человека
такой вот большой мужичара
такой вот вчерашний заштатник
ну вот ты и вырос родной
пусть небо свернётся портянкой
и ваксой заблещут стожары
и пухом земля тебе в ватник
и звёзды посмертной водой

Новый берег – журнал литературы и истории, издаётся в Дании на русском и датском языках.

№ 67, 2019

Игорь Джерри КУРАС (США)

Ты помнишь, как холодным январём
замёрзшие по улице вдвоём
к вокзалу шли, а забрели на почту? –
и ты, согревшись, прочитала строчку
Арсения Тарковского. И вдруг
я подхватил стихи как будто в круг
вошёл, тобой очерченный. И точно:
мы вспомнили все строчки до одной,
и, боже правый, ты была со мной,
и вдоль стиха мы шли вдвоём построчно.

Андрей ФАМИЦКИЙ (Минск, Беларусь)

АНДРЕЙ

лежит на злополучном поле
и смотрит, смотрит в облака,
уже не средоточье боли,
не просветление – пока.

но вот уже топочут кони,
жужжат французы о своём,
и что такое в этом стане,
что мы дышать перестаём?

Виталий МАМАЙ (Тель-Авив, Израиль)

...И опять в устье улицы прочной опорой для низких туч
возникает собор, и крестильня, и колоколья Джотто.
Золотая дверь баптистерия тускло-жёлто
смотрится в миллионы глаз, объективов или очков.
Весь этот мир, доселе кое-как слепленный из клочков,
обретает и смысл, и стройность, и перспективу.
Мраморный Брунеллески (мрамор лучше, чем ничего)
смотрит из ниши на купол, созданный им для детища ничьего,
только не может пожаловаться неподалеку стоящему Донателло
на голубей, зевак, погоду или артрит....
Осень в Тоскане не всякую кровь бодрит,
не говоря уж о тех, чье из камня тело.

Новый Журнал – старейший в русском зарубежье литературный журнал, основан в 1942 году по инициативе И. Бунина писателями М. Алдановым и М. Цетлиным.

№ 296, 2019

Юз АЛЕШКОВСКИЙ (Коннектикут, США)

ВЕСНА

у нас в саду озёрца талых вод
теплее ветерок добреет небосвод
от аппетита охренев вороны
всё мечут: рис и даже макароны
а я увы как прежде меланхолю
но никогда не проклиная долю
что ниспослали в жизни Небеса
так лошади любезен тюк овса
а птичке-крохе зёрнышко – короче
благослови Господь и дни мои и ночи
друзьям сообщу уют существования
отчасти утоли их упования
на некий смысл быстротечных лет
хотя бы напослед... хотя бы напослед...

САЛАЗАР 1968

Народ, по слухам, устал, но лидер к рассвету не умер.
Инсультом сражённый, лежит, застряв в продолжительной думе
о том, что неплохо б театрам дать «Фауста» будущим летом,
а сахар изъять из меню как метод борьбы с диабетом.

Народ устал, но привык: как муха, над чашкой летая,
не знает другой мерзлоты, чем Цельсий остывшего чая.
Народ – он мог бы прожить вот так, как живётся, и дальше,
не жалуясь детям на дно пока что не выпитой чаши.

А лидер – он мог бы дожить до пули, стремящейся в око;
до яда, что плавится в кофе, когда, прибирая до срока,
в атласном бордовом халате на сцену бы мог Мефистофель
взойти и изречь: «Это был воистину правильный кофе!»

P. S.

...И этот месяц мог бы стать февральским,
когда десятого,
меняя одиночество на краски
зимы, Ахматова

в надежде, что и в тьму приходят строфы
немногословными
попытками метелью править профиль,
прошла под окнами.

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ (Прага, Чехия)

* * *

После тяжёлой и продолжительной
выкарабкался.

Что помогло? Лыжная шапка?

Я её и в жару не снимал.

Св. Агнесса?

Но она католичка.

Зелье из шпанской мушки?

Зашёл в свою аптеку.

Спросил молоденькую аптекаршу,
когда будет господин провизор.

С кем мне ещё поговорить

о сушёной крови крота и летучей мыши?

Она отвела глаза и сказала:

– Вы больше его не увидите.

Полина БАРСКОВА (США)

Марья-искусница лет сорока
Смотрит как вьётся пылает строка
Ядом исходит себя пожирая
Адские переживая срока –
Адские сроки, сезоны, вершки.
Если б Артюр не отринул стишки
Может быть так и кривлялся б по свету,
Гостя надеясь для сладкой кишки,
Если б стишки не сбежали Рембо,
Может быть чёрной гангрены бобо
Не отхватило бы не охватило –
Как-нибудь справились бы, ничего:
Ах, половина земного пути
Как половчее тебя перейти
Словно огромную бурую лужу
Там где трамвайные делятся пути
Возле детсада – бензина полна
Как же сверкала манила она
Как завораживала отражала
Как на волну набегала волна
Смрада и знания.

Гари ЛАЙТ (Чикаго, США)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Порой предсказанья не стоят и ломаного гроша,
так было всегда, но кто ж этот грош ломает. –
Так после любви загадочен вдруг ландшафт,
по сути – реальности нет, только чай остывает.
Тут как наклонить – сослагательно или нет, –
память не пишет фрагменты, а только в целом.
В лете нулей, между двойками был просвет,
закат и рассвет рифмовались по контурам тела.
На подсознание осталась загадка её плечей,
она не исчезла, не вышла в астрал и не постарела,
просто, вернув «...как-то в осень...» брелок ключей,
осталась эскизом, наброском, сделанным мелом.

Валерий БРАЙНИН-ПАССЕК (Ганновер, Германия)

* * *

Карточный домик на тонких бумажных опорах,
плачущий комик, тряпиц окровавленных ворох,
что-то ещё? – да, вчера лишь рождённое слово,
через плечо озираясь, исчезнуть готово.

Минули сроки, глушцу отведённые снова:
жест недалёкий, небрежность движения слепого –
и полегли в пограничье тузы и шестёрки,
выпали дни – о, как нынче романсы жестоки!

Если б не эта, не эта, не эта попытка,
если б не лето, не глупое счастье избитка,
мне б никогда не дойти до такого паденья,
где и следа не найти от бывшего паренья.

Владимир ЯСЬКОВ (Харьков, Украина)

ПРОЩАНИЕ

точно тлеет во тьме уголёк и белеют халаты
долгожданный уже недалёк палача и расплаты
«голова моя ждёт топора да зелёного лавра»
что возьмёшь ты с того школяра? молока с бакалавра

не отсудишь за давностью лет ничего кроме блюда
то ли саднит тавро на челе, то ли в мыслях полуда
то ль полундрою бредит моряк на тифозной кровати
чтоб окрасить листву ноября, нашей крови не хватит

мир вовне, как разграбленный склеп, смотрит в прошлое слепо
поцелуй на морозном стекле, веры попранной слепок
до рассвета века и века, во вселенной ни звука
ах зачем эта жизнь коротка и любовь близорука

Олег ДОЗМОРОВ (Лондон, Великобритания)

* * *

Куда пропало слово «маргарин»?
Кому мешало слово «рубероид»?
Ты доживёшь, курилка, до седин,
и раздраженье рот тебе откроет:

фрилансер от поэзии, я тот,
кто сам себя поставил под раздачу,
моля удачу, я смеюсь и плачу,
бесценных слов сквалыга, скряга, жмот.

Сергей ШАБАЛИН (Нью-Йорк, США)

Скоро тридцать лет как нет железного
занавеса. С ним и ностальгии...
Эту байку, как точильщик лезвие,
мастерски затачивают гиды –

от литературы журналистища,
лезвие блестит и не случайно.
Вопреки холодности артистствующих
вне орбиты магии и тайны...

Плавающий мост – журнал современной русской и переводной поэзии. Издаётся при содействии и участии издательств «Водолей» (Москва) и «Verlag an der Wertach» (Augsburg). Периодичность издания – ежеквартально.

№ 3 (23), 2019

Нина ВИНОГРАДОВА (Харьков, Украина)

* * *

Мне Брейгель пейзаж за окном уточнил:
перспектива, мальчишки, птички подробности,
нечитаемый текст – просто брызги чернил,
шкура убитого зимнего глобуса.
Когти деревьев и прелесть слизистой,
нутряной, атласной поверхности снега.
Закачаешься от этого тепла снизу,
будто родня с того света в гости приехала.
И покатилося: всхлипы, упреки, конфеты и чмокания.
Солнце в дымке – выпросталось из рукавицы –
и заливаает золотом ямки окон,
ражее, рыжее, будто детеныш лисицы.

Алексей ЮДИН (Брюссель, Бельгия)

* * *

Скажи мне, бродячий философ, о чём твой неслышный трактат?
Что делать с нетопленным краем и чем остановим мы ад?
Зачем у неясной границы опять собирается рать?
Доколе борьба за проливы нам будет умы затмевать?

Ну да, ты не знаешь ответа, обходишь ты мир до поры
и носишь его в телефоне, как носят в ковчеге Дары.
Пусть мечутся тени на стенах, держась за неровности стен,
ты тянешься к родине мира, хозяина видишь сквозь тень.

Но что там, на белых вершинах, задумано было о том,
как контур пролёт Украины, взрезая ножом чернозём?
Тебе не видать, очевидец, отсюда, как скручена нить?
И впрямь ли уколется пряжа, чтоб кровью границу скрепить?

Ну да – поживём и увидим. Побродим, попишем, умрём.
Уйдём за черту по безвизу, пополним собой чернозём.
И может, сойдутся дороги хотя бы в степном небеси...
Но Боже, храни украинцев! Но Господи, русских спаси!

Сергей ТЕНЯТНИКОВ (Майорка, Испания)

II. Я МОГУ ГОВОРИТЬ

шторм кончился – на горизонте мачты
погибших кораблей. давай поговорим о тех,
по ком теперь можно только молчать.
они, точно сгоревший сосновый бор,
где миллионы голосов сливаются в единое – «Земля».

семейные могилы фотографий, памятники,
занесённые снегом, ждут своего праправнука-археолога,
который вспомнит праправду, ждут своего врача,
который промоет раны на человеческом пергаменте,
ждут своего наследника ДНК – самоубийственный сплав,
рубевж в поле ржи, рубец на животе матери.

Александр ЗОРИН (Дюссельдорф, Германия)

* * *

Он сбросил листья все...
И в листья врос.
Он ветви оголённые вознёс
В благодаренье... На руках зари
Парит... не отделяясь от земли.

Его разъятость не окинуть взором.
Он, озарённый гаснущим простором,
Весь высвечен, до косточки, насквозь...
От шумного освобождился плена.
Его живая аура нетленна.
Он здесь и там. И с листьями и врозь.

Малиновка, щебечущая где-то,
Свидетельствует: жизнь его воспета,
По осени обретшего простор...
Уходит в небо медленный костёр,
Без пламени...
Иного полон света.

* * *

Научи меня, вечность, детским своим приколам,
времени круг не вмещает квадрат пространства,
нынче важно к течениям принадлежать и школам,
а без этого ни семьи тебе, ни гражданства,
спой-ка песню, птичка, подразни птицелова,
дай присвистну и я неумело, чаще
мы хотим себе слушателя глухого,
безразличного, как ручей журчащий,
не похвалит, зато напоит, в жару – остудит,
раскидает папоротника линованные бумаги
там, где сосны любят, пролески судят,
и полощут горло дождём овраги.

Урал – ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал. Издаётся с января 1958 года.

№ 11, 2019

Борис ГОЛОВИН (Новая Зеландия)

Прохудав, тканый в листья кафтан
ждёт на воздухе чистки и встряски,
и, как встарь, в сентябре Левитан
подновил ему краски.

Над крещёной горою – раскат
в пропасть неба: две птицы святые
третий век улететь не хотят
за моря золотые.

А над озером ближним, внизу,
гомон чаек, визгливые крики.

Вдруг замрёт, утирая слезу,
воздух чистый и дикий